

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОВОГО РОДСТВА

JOURNAL of LANGUAGE
RELATIONSHIP

№ 8

АВГУСТ / AUGUST 2012

УДК 81(05)
ББК 81я5

Вопросы языкового родства: Международный научный журнал / Рос. гос. гуманитар. ун-т; Рос. Акад. наук. Ин-т языкознания; под ред. В. А. Дыбо. — М., 2012. — № 8. — x + 180 с. — (Вестник РГГУ: Научный журнал; Серия «Филологические науки. Языкознание»; № 16(96)).

Journal of Language Relationship: International Scientific Periodical / Russian State University for the Humanities; Russian Academy of Sciences. Institute of Linguistics; Ed. by V. A. Dybo. — Moscow, 2012. — No. 8. — x + 180 p. — (RSUH Bulletin: Scientific Periodical; Linguistics Series; No. 16(96)).

ISSN 1998-6769

<http://www.jolr.ru/>
journal@jolr.ru

Дополнительные знаки: С. Г. Болотов
Add-on symbols by S. G. Bolotov

Электронная версия данного издания является собственностью издательства, и ее распространение без согласия издательства запрещается.

Подписано в печать 31.07.2012. Формат 60×90/8.
Бум. офсетная.
Печать офсетная. Тираж 1050 экз.
Заказ №

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленного оригинал-макета
в «Наша Полиграфия», г. Калуга, ул. Грабцевское шоссе, 126
Лиц. ПЛД № 42-29 от 23.12.99

Table of Contents / Содержание

Table of Contents / Содержание	vii
Contributors / Сведения об авторах	ix
Note for Contributors / Будущим авторам	x

Articles / Статьи

<i>K. B. Babaev</i> . Реконструкция личных местоимений в убангийских языках	1
[<i>Kirill Babaev</i> . Reconstruction of the Ubangian personal pronouns]	
<i>A. N. Barulin</i> . Семиотический Рубикон в глоттогенезе. Часть 1	33
[<i>Alexander Barulin</i> . Semiotic Rubicon in glottogenesis. Part 1]	
<i>Albert Davletshin</i> . Proto-Uto-Aztecan on their way to the Proto-Aztecan homeland: linguistic evidence	75
[<i>A. И. Давлетшин</i> . Юто-ацтеки на пути к ацтекской прародине: языковые свидетельства]	
<i>M. B. Oslon</i> . Отражение древнеиндийского среднего рода в цыганском	93
[<i>Mikhail Oslon</i> . Reflexes of the Old Indic neuter gender in Romani]	
<i>Gábor Takács</i> . Omotic lexicon in its Afro-Asiatic setting III: Omotic * <i>p</i> -	103
[<i>Г. Такач</i> . Омотская лексика на общеафразийском фоне III: омотское * <i>p</i> -]	

Discussion Articles / Дискуссионные статьи

<i>George Starostin</i> . Dene-Yeniseian: a critical assessment	117
[<i>Г. С. Старостин</i> . Критический взгляд на дене-енисейскую гипотезу]	
<i>Edward Vajda</i> . The Dene-Yeniseian connection: a reply to G. Starostin	138
[<i>Э. Вайда</i> . Дене-енисейское сравнение: ответ Г. С. Старостину]	
<i>Ranko Matasović</i> . The substratum in Insular Celtic	153
[<i>Р. Матасович</i> . Иноязычный субстрат островных кельтских языков]	
<i>Tatyana A. Mikhailova</i> . Once again on the pre-Celtic substratum in the British Islands	160
[<i>Т. А. Михайлова</i> . Еще раз о докельтском субстрате Британских островов]	
<i>Ranko Matasović</i> . Reply to Tatyana Mikhailova	165
[<i>Р. Матасович</i> . Ответ Т. А. Михайловой]	

Book Reviews / Рецензии

Václav BLAŽEK. Indo-European “Smith” and his Divine Colleagues, 2010 (<i>Т. А. Михайлова, М. А. Живлов / Tatyana Mikhailova, Mikhail Zhivlov</i>)	169
--	-----

Periodic reviews / Периодика

The Journal of Indo-European Studies. Vol. 38, № 1–2, 2010

(A. B. Сидельцев / A. Sideltsev) 177

Реконструкция личных местоимений в убангийских языках*

Настоящая работа продолжает серию публикаций по сравнительному анализу личных местоимений и личных показателей в языках нигеро-конголезской макросемьи. В статье исследуются личные показатели языков убанги (Центральная Африка), проводится ступенчатая реконструкция праязыковой парадигмы местоимений.

Ключевые слова: личные местоимения, убангийские языки, нигеро-конголезские языки, языки Африки.

Семья языков убанги (или убангийских языков) объединяет около семидесяти языковых единиц (71, согласно данным каталога [Lewis 2009]); эта цифра весьма приближительна, так как некоторые идиомы близки друг другу вплоть до взаимопонимаемости, и прежде их нередко рассматривали как диалекты одного языка. В последние десятилетия в связи с ростом детализации языковых описаний не меньше двух десятков идиомов получили признание в литературе в качестве полноправных языков: так, ещё в 1989 г. к группе нгбанди было принято относить только одноимённый язык [Boyd 1989: 193], сегодня в её составе насчитывают уже шесть языков [Lewis 2009: 687, 694—695].

Носители языков убанги населяют обширный ареал в самом сердце африканского континента. Большая часть этого ареала расположена в бассейне рек Мбому, Уэле и образованной их слиянием реки Убанги, чем и объясняется название языковой семьи, выдержанное вполне в лингвонимических традициях африканского языкознания. Общую численность носителей языков семьи можно приблизительно оценить в 3—4 млн. человек ([Williamson & Blench 2000] дают цифру в 2.3 млн. по оценке 1978 г.). Языки убанги граничат на западе с языками адамауа, на севере и востоке — с нило-сахарскими языками (в основном принадлежащими к центральносуданской семье, на западе и юго-западе — также к нилотской семье), на юге — с языками банту семьи бенуэ-конго.

В 1924 г. об убангийской группе из 25 языков впервые написал М. Делафосс [Dela-fosse 1924], включивший её в состав «негро-африканской» семьи языков, а в 1935 г. Й. Вильс включал их в т. н. «экваториальную» семью. В 1940 г. языки убанги были введены в состав большого генетического конгломерата «суданских языков» [Baumann, Thumwald & Westermann 1940].

Одна из первых попыток внутренней классификации ряда убангийских языков была сделана в статье миссионера Р. Мортье, вышедшей в свет в небольшом журнале в Бельгийском Конго в разгар Второй мировой войны [Mortier 1941]. Её автор относил «небанту-ские» языки бассейна Убанги, которые он делил на пять групп, к «восточносуданским» языкам [Mortier 1946] — опять же пользуясь терминологией Д. Вестермана [Westermann 1911].

В своей работе [Greenberg 1963] Дж. Гринберг ввёл языки бассейнов рек Адамауа и Убанги в состав нигеро-конголезской макросемьи, объединив их под условным наимено-

---

* Работа выполнена в рамках проекта РГНФ №10-04-00269 «Диакронические процессы и генетические отношения языков Африки».

ванием «адамауа-восточных» (Adamawa-Eastern), так как зона их распространения сильно выдавалась на восток от западноафриканского региона. Ранее языки этого обширного региона, в массе своей не изученные в должной степени, рассматривались как неклассифицированные группы или «кластеры», как о них писали в середине XX столетия [Westermann & Bryan 1952; Tucker & Bryan 1956; Richardson 1957]. Позже данная семья языков получила название адамауа-убанги [Samarin 1971], принятое и сегодня.

В 1970-е и 1980-е годы появилось не менее трёх десятков описаний различных языков и диалектов семьи. Сравнительный анализ данных между собой, а также с языками адамауа проводился в основном методами статистического сопоставления списков лексики. При этом лексикостатистические расчёты показали значительные расхождения не только между группами языков адамауа и убанги, но и между идиомами в составе двух ветвей. В работах [Samarin 1971; Bennett 1983] было показано, что степень близости целого ряда языков и групп языков между собой настолько невысока, что говорить с уверенностью об адамауа-убангийской генетической общности по крайней мере преждевременно. Так, даже в географически смежных языках каре (адамауа) и бозом (убанги) Центральноафриканской Республики (ЦАР) сравнение базовой лексики показывает лишь 9—10% возможных генетически родственных пар [Samarin 1971: 224—225]. Позже к лексикостатистическим материалам добавились данные сопоставления фонологии и морфологии, усилившие обоснованность той точки зрения, что языки адамауа и убанги следует рассматривать как две независимые семьи в рамках нигеро-конголезских языков.

В последние годы ряд исследователей предложили и другие гипотезы о внешней генетической классификации языков убанги. Так, Р. Бленч некоторое время отстаивал идею существования т. н. «саваннской семьи» языков Африки [Williamson & Blench 2000], объединяющей языки гур, убанги, ряд языков адамауа и, возможно, изолированный язык пре. В 2008 г. Х. Диммендаль [Dimmendaal 2008] высказался за исключение семьи языков убанги из состава нигеро-конголезской макросемьи, т. к. она, по его мнению, «не подходит» под лексические и грамматические критерии родства, применимые к другим семьям языков нигер-конго.

Убангийские языки представляют собой довольно компактную картину для анализа в сравнении не только с гипотетическим адамауа-убангийским объединением, но и с соседней семьёй адамауа. Их классификация по Дж. Гринбергу, состоящая из восьми групп [Greenberg 1963: 9], была модифицирована в работе У. Самарина [Samarin 1971: 225, со ссылкой на личное сообщение Л. Букио и Ж. Тома] и сведена к пяти ветвям. Эта классификация впоследствии многократно пересматривалась и уточнялась, однако, как и прежде, основанием для пересмотра служили лишь несистемные сопоставления списков слов, пестревшие белыми пятнами и фонетическими ошибками, а также типология фонологических и морфологических систем. Так, например, группа языков банда постулировалась, исходя из особенностей фонологии и существования именных префиксов [Boyd 1989: 191]. В этой работе Р. Бойд предложил классификацию языков убанги, остающуюся общепринятой и по сей день. Эта классификация представлена на Диаграмме 1 и разделяет языки семьи на три ветви: гбая, банда-нганди-сере (в свою очередь, подразделяемую на три группы) и занде.

Диаграмма 1

Степень изученности языков трёх основных ветвей убангийских языков с точки зрения сравнительного анализа крайне неоднородна. Впечатляющих и надёжных результатов компаративистам удалось достичь, пожалуй, только в сфере изучения языков гбая, которые в течение нескольких десятилетий изучаются французским исследователем Ивом Моñино [Moñino 1980, 1981, 1988]. В 1995 г. была опубликована его фундаментальная монография [Moñino 1995] с изложением детального сравнительного анализа языков гбая и реконструкцией праязыка группы — его фонологической структуры, основ морфологии, значительно объёма лексики (более 1000 единиц), в том числе и субъектных личных местоимений.

К настоящему времени относительно неплохо описаны близкородственные языки группы банда, однако специального сравнительного исследования по ним не существует; с точки зрения типологии и лексических соответствий языки банда затрагиваются в работе [Olson 1996].

Монография Х. Паш [Pasch 1986] содержит качественный сравнительный анализ именной морфологии (прежде всего систем именных классов) в языках группы мба, за которым следуют выводы о внутренней классификации языков группы. Из личных показателей в работе рассмотрены только притяжательные аффиксы, их сравнения по различным языкам группы не проводится.

Языки группы сере исследовались в сравнительной перспективе С. Сантандреа, однако его итоговая работа [Santandrea 1950] довольно поверхностна и ограничивается лексическими сопоставлениями; что же до местоимений, то её автор не углубляется дальше постулирования типологических сходств вроде наличия противопоставления эксклюзивных и инклюзивных форм [Santandrea 1950: 47–48]. Работой А. Н. Такера полувековой давности [Tucker 1959] исчерпывается, к сожалению, и список сравнительных исследований языков группы занде. Реконструкции праформ в ней не проводится, хотя следует признать, что фактический материал по местоименным системам в указанной работе дан весьма подробно.

В своей статье [Boyd 1989] Р. Бойд предложил реконструированные формы четырёх местоимений праязыка адамауа-убанги [1989: 207], однако обоснования реконструкции в работе представлено не было. На сегодняшний день это, видимо, единственная попытка реконструкции личных местоимений более высокого хронологического уровня, чем уровень групп языков.

Системы личного маркирования языков убанги характеризуются следующими особенностями.

В большинстве групп семьи проводится противопоставление местоимений 1PL по категории инклюзивности / эксклюзивности (банда, нгбанди, нгбака-мба, занде). Особенностью данной категории является её факультативное дополнение значением двойственного числа. Так как это последнее жёстко ограничено первым лицом и повсюду сопутствует инклюзивности, есть смысл (как и во многих других группах языков субсахарской Африки) не рассматривать категорию инклюзивности и значение дуалиса по отдельности, а объединять их в единую грамматическую категорию расширенного первого лица, которая, по терминологии М. Сисоу [Cysouw 2003], имеет три значения: дуалис, инклюзив и эксклюзив. Таким образом, при наличии такой категории в местоименной системе присутствуют два или три перечисленных значения, при отсутствии — только нейтральное местоимение 1PL, но никогда иначе. Кроме того, формы инклюзива и дуалиса в различных родственных языках обычно имеют единое происхождение: так, форма 1DU линда *ɔzɔ* соответствует инклюзивным формам близкородственных языков, в то время как форма 1DU бака *ʔā*, напротив, единого происхождения с эксклюзивными местоимениями других языков убанги.

Центральноафриканский ареал, занятый в т. ч. носителями языков убанги, в этом смысле является одним из трёх ареалов субсахарской Африки (наряду с крайним Западом и Кордофаном), где распространена данная категория. При этом, как будет показано ниже, категория расширенного первого лица вполне может быть прослежена до праязыка по крайней мере одной из групп в составе убангийской семьи.

Субъектные показатели в глагольном предложении располагаются перед глагольной группой (имеющей схему VO) и в ряде языков функционируют как глагольные префиксы. Положение объектных показателей — постпредикативное, в некоторых языках они суффицируются к сказуемому. Суффиксальными в большинстве своём являются и показатели притяжательности. В неглагольном предложении, а также в значениях фокуса и топика употребляются субъектные местоимения серии, которую мы в настоящей работе называем фокализованной (в литературе по убангийским языкам такие местоимения принято также называть «аппозитивными» [Moñino 1988, 1995]).

Для убангийских языков характерно выражение различных значений личного показателя одного лица и числа с помощью единой формы местоимения. Наиболее маркированными в этом смысле являются формы фокализованных личных местоимений, которые в целом ряде языков образованы от субъектно-объектных форм путём редупликации (нгбугу *m̄* ‘ты’, *m̄m̄* ‘ты’ (фокал.)) или добавления префигированного вокалического элемента (линда *b̄* ‘я’, *̄b̄* ‘я’ (фокал.)). В тех языках, где объектные (а вместе с ними чаще всего и притяжательные) показатели лица отличаются от субъектных, они либо редуцированы (бофи *m̄* ‘я’, *-m̄* ‘меня, мой’), либо образованы от супплетивной основы (занде *m̄* ‘ты’, *-r̄* ‘тебя’). В редких случаях супплетивная основа применяется при образовании притяжательных аффиксов: наиболее интересен пример 2SG посессивных маркеров в языках банда, имеющих корень *z̄* / *z̄ā* при *mV* / *bV* в прочих сериях. Языков, где, подобно банту, различались бы четыре различных серии личных показателей, среди убангийских языков не обнаруживается.

В отдельных языках можно видеть перенос видовременных или модальных значений сказуемого на субъектные личные показатели, что приводит к появлению новых форм, преимущественно различающихся только тональным рисунком (например, якома *mbi* ‘я’ (PRES, PF) vs. *mbi* ‘я’ (FUT)).

Притяжательные показатели различают категорию отчуждаемой / неотчуждаемой принадлежности — это различие проводится повсюду в языках групп гбая и занде, а также в языке гбайи (группа нгбанди). При этом посессивная словоформа неотчуждаемой принадлежности (для имён существительных, выражающих ближайших родственников и части тела) строится в формате схемы «именная группа + суффиксальный личный показатель», значение же отчуждаемой принадлежности требует конструкции «именная группа + несвязанный атрибутивный маркер + суффиксальный личный показатель». Атрибутивный маркер является общим для всех лично-числовых значений и в зарубежных работах чаще всего называется «детерминативом» [Moñino 1995: 82]). Именные генитивные (в т. ч. посессивные) синтаксические группы строятся аналогичным образом: соположением имён существительных при неотчуждаемой принадлежности и с помощью маркера со значением отчуждаемой принадлежности.

(1) <i>w̄</i> <i>kr̄</i> <i>p̄āl̄</i> <i>ḡāl̄</i>	(2) <i>īz̄</i> <i>r̄i</i> <i>mb̄āl̄</i>
3SG чесать кожа нога	экскремент GEN слон
‘Он чешет ногу’ (букв. ‘кожу ноги’);	‘экскременты слона’ [Boyd 1988: 44—45].

Среди атрибутивных маркеров, используемых в языках гбая, можно выделить **k̄* (с общегенитивным значением), **d̄ā* (с ассоциативным значением) и **n̄* (с комитативным

значением); все три восходят к праязыку группы. В некоторых языках при присоединении показателей лично-числовых значений к генитивному маркеру происходит фузия, ср. гбану *kéle* < *kó-lé. По этой причине в настоящей работе местоимения неотчуждаемой принадлежности будут даны в таблицах в полном виде, хотя в большинстве языков их довольно легко можно разложить на неличный генитивный маркер и собственно личный показатель.

Схожее противопоставление прослеживается в объектной серии личных показателей: во многих из рассмотренных нами языков проводится различие между показателями прямого и непрямого объекта. В частности, наиболее последовательно данное различие выражено в группе гбая, однако отмечено также в языках групп занде и нгбанди. В языках гбая показатели непрямого объекта образованы добавлением личного объектного суффикса к дативно-бенефактивному маркеру **há-* ‘для, к’ [Moñino 1995: 160].

(3) *ndé wá gbéé-m*
 CONJ 3PL.S убивать.PROSP-1SG.DO
 ‘Они собираются убить меня’;

(4) *mε tó yege né é ha túrí hám*
 2SG.S сказать QUOT CONJ CONJ давать одежда 1SG.IO
 ‘Ты сказал, что дашь мне одежду’ [Samarin 1966: 104, 106].

Слитный показатель непрямого объекта в примере (4) является результатом грамматикализации послеложной группы, которая ещё отчётливо видна в других группах убангийских языков (например, в группе занде), где непрямообъектная группа строится с помощью контаминированных послелога и личного показателя, ср. в нзакара:

(5) *mó-ít-ê*
 2SG.S-оставить — 1SG.O
 ‘Оставь меня!’

(6) *kó-hú pamba n-é*
 3SG.M-давать нож PP-1SG.O
 ‘Он дал мне нож’ [Tucker 1959: 131].

Личные показатели в языках убанги имеют в основном структуру CV, в редких случаях V. Показатели отчуждаемой принадлежности и непрямообъектные маркеры, образованные путём добавления собственно личного показателя к показателю посессивности, могут иметь двусложную структуру CVCV (например, бозом *ká-ré* ‘наш’ (отчужд.)) и даже трёхсложную CVCVCV. Такая же силлабическая структура типична для тех показателей фокализованной серии, которые образованы с помощью удвоения (например, линда *ʔéʔé* ‘вы’). Характерной особенностью личных показателей множественного числа в убангийских языках является их дисиллабическая структура — вида VCV или, чаще, ʔVCV. При этом в объектных формах мы нередко видим форму без ларингального приступа и вокалического префикса: бофи *ʔélē* ‘мы’ (субъект) и *lē* ‘мы’ (объект), *ʔēnē* ‘вы’ (субъект) и *nē* ‘вы’ (объект). О природе ларингальной фонемы в личных показателях убангийских языков будет сказано ниже.

Показатели третьего лица в убангийских языках по своему происхождению и особенностям функционирования в языке несколько отличаются от местоимений двух первых лиц. В первую очередь стоит отметить их бросающуюся в глаза разнородность (см.

таблицы раздела 5): при очевидных следах генетического родства показателей первых двух лиц представляется невозможным реконструировать для праязыка убанги формы третьего лица. Отдельные реконструкции возможны лишь на уровне групп языков.

Необходимо отметить возможную связь между личными показателями третьего лица и маркерами именных классов, характерную для языков нигеро-конголезской макросемьи. В языках бенуэ-конго, ква, гур и других семей языков субсахарской Африки третье лицо маркируется показателями именных классов имени существительного; таким образом, могут выделяться отдельные показатели для лиц, животных, неодушевлённых предметов, принадлежащих различным классам.

Системы именных классов характерны лишь для некоторых убангийских языков (наиболее отчётливо в группе мба, см. [Pasch 1986]) и в целом ряде случаев представляют собой инновацию [Boyd 1989: 205]. Новую именную классификацию мы видим, к примеру, в языках группы занде, имеющих в единственном числе до четырёх различных показателей третьего лица: для обозначения мужчин, женщин, животных и неодушевлённых предметов; во множественном числе различие мужского и женского рода элиминируется [Tucker 1959: 118, 129 и след.]. Формы показателей при этом имеют краткую фонетическую форму, что не позволяет этимологизировать их из именных источников. Ранее выдвигалось предположение о происхождении местоимений третьего лица в занде из именных основ типа ‘человек’ и ‘вещь’ [Claudi 1985], однако эта гипотеза выглядит весьма натянутой именно из-за умозрительности постулируемых фонетических преобразований и требует более глубокой доказательной базы, так как известно, что типологически подобное происхождение местоимений третьего лица вполне возможно [Бабаев 2009]. В некоторых языках именное происхождение местоимений 3 лица можно предполагать, исходя из набора синтаксических функций последних, весьма близких к функциям имени (подробнее об этом см. ниже).

Стоит отметить, наконец, что во многих языках убанги местоимения третьего лица дополнены логофорическими. В некоторых случаях их происхождение довольно древнее: так, в языках группы гбая логофорические местоимения функционируют почти повсеместно, что позволило И. Моньино восстановить этот подкласс местоимений для праязыка группы:

(7) *ʔà tǎǎ ʔà tɛ
3SG сказать 3SG приходит
‘Он [актант—1] сказал, что он [актант—2] пришёл’;

(8) *ʔà tǎǎ ʔé tɛ
3SG сказать 3SG.LOG приходит
‘Он [актант—1] сказал, что он [актант—1] пришёл’ [Moñino 1995: 422].

На этом мы завершаем общую характеристику систем личных показателей в убангийских языках и можем перейти непосредственно к сравнительному анализу форм, представленных в приводимых ниже сводных таблицах (1, 4, 7, 9, 11, 13). В них формы через запятую представляют собой диалектные варианты или же варианты, обнаруженные в различных работах по данному языку (различие между ними могут объясняться как диалектологией, так и обычными ошибками при записи). Там, где между вариантами можно отследить грамматические различия, значения указаны в круглых скобках. Знаком косой черты разделены варианты формы одного значения, указанного в скобках вслед за последним из них.

Языки в таблицах сортированы по группам, обозначенным следующими аббревиатурами: Б — банда, Г — гбая, Нд — нгбанди, Нк — нгбака, М — мба, С — сере, З — занде.

Аббревиатуры, использованные для языков, названных по сторонам света, расшифровываются стандартно: СЗ — северо-западный, ЮЗ — юго-западный, ЗЦ — западно-центральный, ЮЦ — южно-центральный.

Данные детализированы по диалектам там, где диалектные формы имеют характерные отличия. В таких случаях названия языка и диалекта приведены в левом столбце таблицы через дефис, например, «моно-били» — диалект били языка моно.

Источники данных указаны в квадратных скобках в примечаниях к Таблице 1.

1. 1-е лицо единственного числа

Таблица 1

	субъект	объект	притяжат.	фокал.
мбрес (Б) ¹	<i>m̄</i>	<i>m̄</i>		
ЗЦ-дакпа (Б) ²	<i>m̄, m̄i</i>	<i>m̄é, m̄i</i>	<i>m̄é, m̄i</i>	<i>ētm̄é</i>
ЗЦ-гби (Б) ²	<i>m̄ē</i>	<i>m̄ē</i>		
ЗЦ-уоджо (Б) ²	<i>m̄</i>	<i>m̄ē</i>		
банда (Б) ³	<i>m̄</i>	<i>m̄</i>		
ЮЦ-лангба (Б) ²	<i>m̄ē</i>	<i>m̄ē</i>		
ЮЦ-нгбугу (Б) ²	<i>m̄i, m̄i, m̄ē</i>	<i>m̄i</i>	<i>m̄i</i>	<i>m̄im̄i</i>
лангбаше (Б) ³	<i>m̄ē, m̄i</i>	<i>m̄ē, m̄i</i>	<i>m̄i</i>	
бамбари (Б) ²	<i>m̄</i>	<i>m̄</i>	<i>m̄</i>	<i>ām̄</i>
мбанджа (Б) ²	<i>m̄é, m̄ē</i>	<i>m̄é, m̄ē</i>		
ндеде (Б) ³	<i>m̄</i>	<i>m̄</i>		
вара (Б) ²	<i>m̄ē</i>	<i>m̄ē</i>		
ср.-юж. (Б) ²	<i>m̄</i>	<i>m̄</i>		
янгере (Б) ²	<i>m̄ō</i>	<i>m̄ō</i>		
моно (Б) ⁴	<i>m̄i</i>	<i>m̄i</i>	<i>m̄i</i>	
моно-били (Б) ⁵	<i>m̄</i>	<i>m̄</i>	<i>m̄</i>	<i>ām̄</i>
СЗ-кара (Г) ⁶	<i>ʔám</i>	<i>-m, -m̄i</i>	<i>-m, -m̄i</i> (INAL), <i>kóm</i> (AL)	<i>m̄i</i>
СЗ-яювее (Г) ⁷	<i>m̄i</i>	<i>-m, -m̄i</i>	<i>-m, -m̄i</i> (INAL), <i>kóm</i> (AL)	<i>m̄i</i>
СЗ-лаи (Г) ⁸	<i>m̄i</i>	<i>m̄i, -m</i>	<i>-m</i> (INAL), <i>kóm</i> (AL)	<i>m̄i</i>
ЮЗ-були (Г) ⁸	<i>ʔin, m̄i</i>	<i>m̄i</i>	<i>-mōŋ</i> (INAL), <i>bòŋ</i> (AL)	<i>m̄i</i>

¹ [Segerer 2002—2007].

² [Tisserant 1930; Segerer 2002—2007].

³ [Sampson 1997; Segerer 2002—2007].

⁴ [Tisserant 1930: 39—48].

⁵ [Olson 2001: 85].

⁶ [Roulon-Doko 1993; Moñino 1995: 75—76].

⁷ [Moñino 1995].

⁸ [Boyd 1997: 66—70; Moñino 1995: 130].

	субъект	объект	притяжат.	фокал.
ЮЗ-тоонго (Г) ⁸	<i>mí</i>	<i>mí</i>	<i>-mí</i> (INAL), <i>bòŋ</i> (AL)	<i>mí</i>
ЮЗ-биянда (Г) ⁸	<i>mí</i>	<i>mí</i>	<i>-mí</i> (INAL), <i>pòm(i) / póm</i> (AL)	
мбодомо (Г) ⁸	<i>mí</i>	<i>mí</i>	<i>-mí</i> (INAL), <i>bòŋ</i> (AL)	<i>mí</i>
бокото (Г) ⁸	<i>ɔám</i>	<i>-(á)m</i>	<i>-(á)m</i> (INAL), <i>kóm</i> (AL)	<i>mí</i>
бозом (Г) ⁸	<i>mí, ɔám, mám</i>	<i>-m</i> (DO), <i>hám</i> (IO)	<i>-m</i> (INAL), <i>kóm</i> (AL)	
босангоа (Г) ⁸	<i>ɔám</i> (IPF), <i>ɔám</i> (PF)	<i>-m</i> (DO), <i>hám</i> (IO)	<i>-m</i> (INAL), <i>kóm</i> (AL)	<i>mí</i>
гбану (Г) ⁸	<i>mí</i>	<i>-m / mí</i> (DO), <i>hóm</i> (IO)	<i>-m / mí</i> (INAL), <i>kóm / dāámí / nóm</i> (AL)	
али (Г) ⁸	<i>mī</i>	<i>mī</i>	<i>mī</i> (INAL), <i>kómī / dāmī</i> (AL)	
манза (Г) ⁸	<i>ɔē</i>	<i>mī</i> (DO), <i>háá</i> (IO)	<i>-V</i> (INAL), <i>kóó / dāā</i> (AL)	<i>mī</i>
нгбака (Г) ⁸	<i>ɔē, mī</i>	<i>mī</i> (DO), <i>há / háámī</i> (IO)	<i>mī</i> (INAL), <i>dāmī / mómī / móē / kómī</i> (AL)	
бофи (Г) ⁸	<i>mī</i>	<i>-m</i> (DO), <i>hām</i> (IO)	<i>-m</i> (INAL), <i>nāām / kóm</i> (AL)	
банганду (Г) ⁸	<i>mí</i>	<i>mí</i> (DO), <i>hámí</i> (IO)	<i>mí</i>	
якома (Нд) ⁹	<i>mbì, mbí</i> (FUT)			<i>mbī</i>
гбайи (Нд) ¹⁰	<i>mī, mē</i>		<i>-mē</i> (INAL), <i>-cà</i> (AL)	
мунду (Нк) ¹¹	<i>má, mó</i>	<i>rē, rā</i>	<i>rē, rā</i>	<i>rē, rā</i>
нгбака-мабо (Нк) ¹²	<i>mā</i>			
монзомбо (Нк) ¹⁴	<i>mā</i>			
гбанзири (Нк) ¹³	<i>má, mā</i>			
бака (Нк) ¹⁴	<i>mā</i>			<i>ŋāà</i>
майого (Нк)	<i>-mā</i>			
ндунга (М) ¹⁵	<i>nē</i>	<i>mɔ</i> (IO)	<i>nè</i> (INAL), <i>nè</i> (AL)	
мба (М) ¹⁶	<i>nó</i>		<i>-èà, -á</i>	
донго-ко (М) ¹⁶	<i>dē, rē</i>		<i>dē, rē</i>	
ма (М) ¹⁶	<i>mū, mù-</i>			
сере (С)	<i>yē</i>			
баи (С)	<i>nē</i>			
занде (З) ¹⁶	<i>mì</i>	<i>rè, -ré</i>	<i>mí</i> (INAL), <i>gumí</i> (AL)	<i>mì, mì</i>

⁹ [Boyeldieu 1995].¹⁰ [Boyd 1988].¹¹ [Vallaey 1991].¹² [Moñino 1988].¹³ [Boyd 1978: 75; Moñino 1988].¹⁴ [Brisson & Boursier 1979].¹⁵ [Pasch 1986; Moñino 1988].¹⁶ [Tucker 1959; Segerer 2002–2007].

	субъект	объект	притяжат.	фокал.
барамбу (3) ¹⁷	<i>ɲó, ɲ-, ɲí, -ɲa</i>	<i>-ɲò (DO), -erè / -érè / -re (IO)</i>	<i>-ére / -éré / -erì / -eri (INAL), gyèrè / gyere / gere / šiere / zegyèrè (AL)</i>	
памбия (3) ¹⁸	<i>ɲí, ɲé, ɲí, -ɲé</i>	<i>-ɲè</i>	<i>-ɲè / lyè / -je (INAL), aje / alye (AL)</i>	<i>ɲé, ɲí</i>
геме (3) ¹⁹	<i>mì</i>			
нзакара (3) ¹⁸	<i>mì, m̀ì</i>	<i>-è</i>		<i>m̀ì, m̀ì</i>

Как и в других языках мира, местоимения 1SG являются наиболее стабильным членом парадигмы, и праформы здесь восстанавливаются относительно легко. В качестве общей для подавляющего большинства языков семьи схемы субъектного показателя можно назвать *mV* — сочетание губной носовой согласной с некоторой гласной. Вокалический элемент преимущественно принадлежит переднему ряду: в языках банда это *i, e*, а также редуцированная гласная среднего ряда *a*, которую логично рассматривать как происходящую из **i / *e* в результате ослабления гласной фонемы, но не наоборот, так как для сдвига праязыковой гласной вперёд никаких фонетических оснований не находится. Редукции гласной не происходит в суффиксальном объектном показателе в языках сев. гбая и уоджо, где огласовка переднерядная: *mē*.

В языках групп гбая и нгбанди повсюду видим гласную *-i*, а в занде *-l*. Заднерядная гласная может быть восстановлена только для праязыка группы нгбанди. Здесь можно предположить развитие, аналогичное языкам банда: ослабление переднеязычной гласной до *a* и последующий переход среднерядной фонемы в *a* — возможно, под влиянием форм 2SG, ср. мунду *tá* ‘я’, *tà* ‘ты’.

Форма *ɲam*, распространённая в западных и северных языках гбая, выступает в большинстве идиомов не как самостоятельное местоимение, а как субъектный префикс глагола [Moñino 1995: 421]. Данная морфема представляет собой композит, состоящий из *ɲa-* и личного показателя *-m*. Его образование сравнительно недавнее, а генезис можно легко проследить на материале современных диалектов гбая [Noss 1969: 24]: в быстрой речи (язык кара) гласная местоимения *mí* редуцируется, так что фраза *mí kʰ ná* ‘я не хочу’ произносится как [míkʰ ná], после чего во избежание произнесения неизвестного языкам убанги начального кластера добавляется эвфонический префикс *ɲa-*.

Показатель *ɲí- / ɲé-* в языке памбия (группа занде) также со всей вероятностью представляет собой рефлекс основы на **m-*: видно, что делабиализация происходит не только в этой форме, но и в показателе 2SG *ɲo* (см. ниже).

Таким образом, наиболее вероятным вариантом для праязыковой реконструкции остаётся вариант **mí*. Тон праязыкового показателя восстановить сложно: в языках банда, нгбанди и нгбака преобладает средний, в гбая реконструируется высокий, а для языков занде — низкий тон.

Субъектные показатели языков сере и нгбака-мба происходят из других лексических основ. Формы двух языков группы сере *nē* и *uē*, по-видимому, происходят из единого источника. То же можно сказать о двух близкородственных языках группымба — ндунга и донго-ко: формы *nē*, *dē* и *rē* представляют собой очень распространённое в африканских

¹⁷ [Tucker 1959; Boyd & Nougayrol 1988].

¹⁸ [Tucker 1959: 223—226; Boyd & Nougayrol 1988].

¹⁹ [Boyd & Nougayrol 1988].

языках чередование согласных. Общее происхождение форм *сере* и *мба* на имеющемся материале ничем не подкрепляется, так что имеет смысл рассматривать их пока как групповые инновации.

Субъектные местоимения языков манза и нгбака ($?ē$ и $?ē$ соответственно) употребляются наравне с $tī$, а в манза — даже в большем количестве контекстов. Однако здесь можно постулировать сравнительно позднее замещение исконного местоимения $tī$, исходя из того, что в нгбака $?ē$ тяготеет к употреблению в косвенной речи [Моїно 1995: 242]. Наиболее вероятным кажется происхождение данной формы из логофорического местоимения $*?é$ [Моїно 1995: 422] с заменой исходного высокого тона на средний тон, характерный для местоимений 1SG.

В большинстве рассматриваемых языков показатели всех четырех значений совпадают или же различаются лишь огласовкой или тоном. Эти различия часто вызваны различными позициями показателей в словоформе или предложении. Там, где показатель фокализованного актанта выделяется своей формой, можно отметить некоторые закономерности. Так, в языках банда фокализованные местоимения с вокалическим префиксом явно восходят к праязыковому состоянию: $ēté / ātā$. Тон вокалического аугмента в большинстве языков ассимилируется с тоном местоимения по всей парадигме [Olson 2001: 85].

В притяжательной и объектной сериях, представленных в большинстве языков убанги суффиксальными показателями, напротив, может происходить редукция первоначальной формы до $-m$ (группа языков гбая). В нескольких языках семьи, принадлежащих к различным группам (мунду, донго-ко, занде, барамбу) притяжательные, а иногда и объектные показатели образованы с помощью генитивного маркера $ri / re / rē$. Это происхождение можно, скорее всего, постулировать также для показателя отчуждаемой принадлежности гбайи $-cā$, исходя из того, что генитивный маркер ri эксплицитно присутствует в других формах парадигмы (Таблица 2) и функционирует в именных конструкциях отчуждаемой принадлежности (см. пример (2) выше) [Boyd 1988: 45].

Таблица 2

	SG	PL
1	$-cā$	$-rī-nī$
2	$-cā̄$	$-rī-m̄$
3	$-rī$	$-r(i)-ālà$

Исходя из вышесказанного, мы можем с большой долей уверенности реконструировать для праязыка семьи убанги одну форму личного местоимения 1SG $*mī$. Реконструкции праязыковых форм по некоторым группам приведены в Таблице 3.

Таблица 3

банда	$*mā$
гбая	$*mī$
нгбанди	$*mī$
нгбака	$*mā$
занде	$*mī$
убанги	$*mī$

Реконструкция *ti хорошо соотносится с праформами, восстанавливаемыми для других семей языков нигер-конго; прямые соответствия имеются в бенуэ-конго (в том числе банту), ква, адамауа, гур, догон, большинстве групп атлантических языков. Таким образом, проведённая нами внутренняя реконструкция вполне подтверждается данными внешнего сравнения.

2. 2-е лицо единственного числа

Таблица 4

	субъект	объект	притяжат.	фокал.
мбрес-бука (Б)	<i>bà</i>	<i>bà</i>		
мбрес-мбере (Б)	<i>ʔà</i>	<i>ʔà</i>		
ЗЦ-дакпа (Б)	<i>mò</i>	<i>mā, to</i>	<i>zā</i>	<i>òtā</i>
ЗЦ-гби (Б)	<i>mà</i>	<i>mà</i>		
ЗЦ-гбага (Б)	<i>mà</i>	<i>mà</i>		
банда (Б)	<i>bà</i>	<i>bà</i>		
ЮЦ-лангба (Б)	<i>mò</i>	<i>mò</i>		
ЮЦ-нгбугу (Б)	<i>mɔ</i>	<i>mɔ</i>	<i>zā, zà</i>	<i>mɔmɔ, mɔmɔ</i>
лангбаше (Б)	<i>mà, to</i>	<i>mà, to</i>		
бамбари (Б)	<i>bà</i>	<i>bà</i>	<i>zà</i>	<i>àbà</i>
мбанджа (Б)	<i>mà</i>	<i>mà</i>		
нделк (Б)	<i>bà</i>	<i>bà</i>		
вара (Б)	<i>bò</i>	<i>bò</i>		
ср.-юж. (Б)	<i>bà</i>	<i>bà</i>		
янгере (Б)	<i>bà</i>	<i>bà</i>		
моно (Б)	<i>to</i>	<i>to</i>		
моно-били (Б)	<i>ʔà</i>	<i>ʔà</i>	<i>zà</i>	<i>àʔà</i>
СЗ-кара (Г)	<i>mé</i>	<i>mé</i>	<i>-mé (INAL), kómé (AL)</i>	<i>mé</i>
СЗ-лаи (Г)	<i>mé</i>	<i>mé</i>	<i>-mé (INAL), kómé (AL)</i>	<i>mé</i>
ЮЗ-були (Г)	<i>mé</i>	<i>mé</i>	<i>-mé (INAL), bè (AL)</i>	<i>mé</i>
ЮЗ-тоонго (Г)	<i>mé</i>	<i>mé</i>	<i>-mé (INAL), bèè (AL)</i>	<i>mé</i>
ЮЗ-биянда (Г)	<i>mé</i>	<i>mé</i>	<i>-mé (INAL), pémé (AL)</i>	
мбодомо (Г)	<i>mé</i>	<i>mé</i>	<i>-mé (INAL), mè (AL)</i>	
бокото (Г)	<i>mé</i>	<i>mé</i>	<i>-mé (INAL), kómé (AL)</i>	
бозом (Г)	<i>mé</i>	<i>mé (DO), hámé (IO)</i>	<i>-mé (INAL), kómé (AL)</i>	
босангоа (Г)	<i>mè (IPF), mé (PF)</i>	<i>mé (DO), hámé (IO)</i>	<i>-mé (INAL), kómé (AL)</i>	<i>mé</i>
гбану (Г)	<i>mé</i>	<i>mé (DO), hómé (IO)</i>	<i>mé (INAL), kómé / dââmé / nómé (AL)</i>	

	субъект	объект	притяжат.	фокал.
али (Г)	<i>mē</i>	<i>mē</i>	<i>mē</i> (INAL), <i>kómē</i> / <i>dāmē</i> (AL)	
манза (Г)	<i>mē</i>	<i>mē</i> (DO), <i>hámē</i> (IO)	<i>mē</i> (INAL), <i>kómē</i> , <i>dāmē</i> (AL)	
нгбака (Г)	<i>m̄, m̄</i> (IMP)	<i>m̄</i> (DO), <i>hám̄</i> (IO)	<i>m̄</i> (INAL), <i>kóm̄</i> / <i>dām̄</i> / <i>móm̄</i> (AL)	
бофи (Г)	<i>mē</i>	<i>mē</i> (DO), <i>hāmē</i> (IO)	<i>mē</i> (INAL), <i>nāmē</i> / <i>kómē</i> (AL)	
банганду (Г)	<i>mé</i>	<i>mé</i> (DO), <i>hámé</i> (IO)	<i>mé</i>	
якома (Нд)	<i>m̄, m̄</i>			<i>m̄</i>
гбайи (Нд)	<i>m̄</i>		<i>-m̄</i> (INAL), <i>-c̄</i> (AL)	
мунду (Нк)	<i>m̄, m̄, m̄</i>	<i>m̄, m̄, m̄</i>	<i>m̄, m̄, m̄</i>	<i>dēm̄</i>
нгбака-мабо (Нк)	<i>m̄</i>			
монзомбо (Нк)	<i>m̄</i>			
гбанзири (Нк)	<i>m̄, l̄</i>			
бака (Нк)	<i>m̄</i>			
майого (Нк)	<i>-m̄</i>			
ндунга (М)	<i>m̄</i>			
мба (М)	<i>m̄, m̄</i>		<i>-í̄</i>	<i>m̄</i>
донго-ко (М)	<i>d̄</i>		<i>z̄</i>	
ма (М)	<i>m̄í̄j̄</i>			
сере (С)	<i>w̄</i>			
баи (С)	<i>ɲ̄</i>			
занде (З)	<i>m̄</i>	<i>-r̄</i>	<i>-m̄</i> (INAL), <i>-gam̄</i> (AL)	<i>m̄</i>
барамбу (З)	<i>m̄, m̄-, -óm̄</i>	<i>-m̄</i> / <i>-m̄</i> (DO), <i>(o)r̄</i> / <i>ór̄</i> (IO)	<i>-óro</i> / <i>-ró</i> / <i>-r̄</i> (INAL), <i>gòr̄</i> (AL)	
памбиа (З)	<i>ɲo-</i>	<i>-ɲo</i>	<i>-ɲo</i> / <i>-wo</i> (INAL), <i>awo</i> (AL)	<i>ɲo</i>
геме (З)	<i>m̄</i>			
нзакара (З)	<i>m̄, m̄-</i>	<i>-ó</i>	<i>-m̄</i>	<i>m̄</i>

Характерным является почти повсеместное распространение модели *mV* с широкой гласной фонемой. Эта модель является базовой для языков групп банда, гбая, нгбанди, нгбака, мба и занде. Тем не менее, реконструкция единой праформы наталкивается на ряд существенных трудностей.

Языки банда демонстрируют гласную среднего ряда и подъёма (т. н. «неопределённую») *-a*. Эта же гласная, как можно видеть выше, присутствует в формах 1SG, создавая, таким образом, в целом ряде языков омофонию двух показателей с различными значениями. Можно показать, однако, что по крайней мере в одном из языков банда неопределённая гласная может являться результатом редукции двух различных фонем в формах 1 и 2 лица. Это язык моно: данные Ш. Тиссерана первой половины XX века [Tisserant 1930: 40] демонстрируют формы *m̄i* ‘я’ и *m̄o* ‘ты’ с различными огласовками, обеим в со-

временной нам работе [Olson 2001: 85] соответствует *a*. Не исключено, что две указанных работы используют данные различных диалектов (у К. Олсона это диалект били, диалект данных Тиссерана не указан), но соответствие двух различных гласных и «шва» в любом случае неоспоримо.

Устранение омонимии показателей двух лиц в языках банда после редукции гласных достигалось двумя способами: тональным противопоставлением (средний тон показателей 1SG vs. низкий тон показателей 2SG) и деназализацией губной носовой: *m > b / b̄*. В результате второго процесса появляются инновационные формы *bà / b̄à*, нехарактерные для других групп убангийских языков. Данная инновация присуща в основном идиомам периферии ареала, занятого языками банда, в то время как языки центра этого ареала (собственно язык банда, а также западно-центральные диалекты и лангбаше) демонстрируют *m-*.

Формы **m̄o / *m̄ɔ* реконструируются также для праязыков групп нгбанди, нгбака, занде, возможно, также мба. Форма **m̄i* является результатом лабиализации исходной гласной в двух близкородственных языках нгбака — гбанзири и майого. Наконец, данные языков группы гбая позволяют уверенно восстановить праформу **m̄é* [Moñino 1995: 421] как для субъектных, так и для несубъектных значений. Лишь в языке нгбака видим местоимение *m̄ɔ*, которое, по-видимому, было заимствовано из одного из соседних языков (вероятно, группы нгбанди): нгбака не имеет контактов с другими языками гбая [Moñino 1995: 228]. Истоки формы **m̄é*, если считать её новообразованием, неясны: одним из предположений может быть аналогия с формами множественного числа, также имеющих в языках группы гласную *ɛ*. Семантически это создаёт противопоставление «я — не-я», типологически весьма надёжно засвидетельствованное в языках мира. То, что в языках убанги вокализм играл важную роль в создании подобных противопоставлений, уже упоминалось выше; к примеру, местоимения 3 лица характеризуются вокализмом *-à*.

Таким образом, форма **m̄o / *m̄ɔ* предположительно может быть восстановлена для субъектного местоимения 2SG праязыка убанги, при том, что форма гбая **m̄é* остаётся при этом загадкой.

Вопрос о том, можно ли сравнивать формы *ŋo* языков баи и памбиа с вышеприведённой реконструкцией, позволяет дать утвердительный ответ, если сравнить парадигмы местоимений в целом. Так, соответствие памбиа *ŋi-* ‘я’ с занде *m̄i* то же, что и между памбиа *ŋo-* с занде *m̄ɔ*. Схожее явление палатализации носового сонанта можно предполагать для баи *n̄é* ‘я’ (ср. *m̄é* в ряде соседних с ним языков банда) и *ŋɔ* ‘ты’ (ср. *m̄ɔ* в других языках семьи). К сожалению, на сегодняшний день мы не располагаем достаточными данными о языках группы сере, чтобы удостовериться это фонетическое соответствие на большем количестве лексических сопоставлений, поэтому вынуждены оставить выдвинутую гипотезу неподтверждённой.

Субъектных местоимений, имеющих особое происхождение, в представленных нами данных всего два: это формы донго-ко *d̄ɔ* и ма *m̄iŋɔ*.

Первая содержит фонему *d̄-*, характерную для трёх из четырёх личных местоимений донго-ко 1—2 лица:

	SG	PL
1	<i>d̄ɛ, rɛ</i>	<i>nà</i> (I), <i>nī</i> (E)
2	<i>d̄ɔ</i>	<i>d̄à</i>

Таблица 5

С учётом того, что звонкая зубная имплозивная фонема весьма нехарактерна для личных местоимений этих значений, формы с ней нужно признать инновациями. Форма *tīŋʒ* языка ма также инновационна: она создана, очевидно, для устранения омонимии с местоимением 1SG *tī̃* / *tī̀*.

Некоторые особенности можно отметить в несубъектных сериях личных показателей. Так, притяжательный маркер 2SG в языках банда реконструируется как **zə*. Весьма вероятно, что первоначальная гласная здесь *-a*, сохранившаяся в диалекте дакпа западно-центрального языка, но вне его подвергшаяся повсеместной редукции. Безусловно, любопытно сравнить формы языков банда с посессивным суффиксом донго-ко *zə*. Возможно, впрочем, что появление этого нехарактерного для убанги показателя посессивности стало результатом влияния форм 1PL инклюзива *əzə*: инклюзивное местоимение со значением «мы с тобой» вполне могло быть переосмыслено как *ə + zə*.

Особые фокализированные формы также представлены преимущественно в языках банда. Здесь, как и по всей парадигме, используются техники префиксации и редупликации: ср. ЗЦ-дакпа *ə-tā*, бамбари *ə-bə*, моно-били *ə-bə* и редуплицированные формы *təntə* / *təntə* в ЮЦ-нгбугу.

Праформы, реконструируемые нами для 2SG по отдельным группам и для убангийской семьи в целом, приведены в Таблице 6.

Таблица 6

банда	<i>*mò</i> (субъект), <i>*zə</i> (объект)
гбая	<i>*mé</i>
нгбанди	<i>*mɔ</i>
нгбака	<i>*mò</i> / <i>*mù</i>
мба	<i>*mo</i> / <i>*mu</i> ?
занде	<i>*mo</i>
убанги	<i>*mo</i>

3. 1-е лицо множественного числа

Таблица 7

	субъект	объект	притяжат.	фокал.
мбрес-бука (Б)	<i>əzə</i> (I), <i>ʔā</i> (E)	<i>əzə</i> (I), <i>ʔā</i> (E)		
мбрес-сабанга (Б)	<i>əzə</i> (I), <i>ʔā</i> (E)	<i>əzə</i> (I), <i>ʔā</i> (E)		
ЗЦ-дакпа (Б)	<i>əzī</i> , <i>eze</i> (I), <i>a</i> (E)	<i>əzī</i> , <i>eze</i> (I), <i>a</i> (E)	<i>zā</i>	<i>əzī</i>
ЗЦ-гби (Б)	<i>əzē</i> (I), <i>ʔā</i> (E)	<i>əzē</i> (I), <i>ʔā</i> (E)		
ЗЦ-гбага (Б)	<i>ʔā</i> (I), <i>ʔā</i> (E)	<i>ʔā</i> (I), <i>ʔā</i> (E)		
ЗЦ-уоджо (Б)	<i>əzə</i> (I), <i>ʔā</i> (E)	<i>əzə</i> (I), <i>ʔā</i> (E)		
банда-гбага (Б)	<i>əzə</i> (I), <i>ʔā</i> (E)	<i>əzə</i> (I), <i>ʔā</i> (E)		
банда-хаи (Б)	<i>əzə</i> , <i>ʔā</i> (I), <i>ʔā</i> (E)	<i>əzə</i> , <i>ʔā</i> (I), <i>ʔā</i> (E)		
лангбаше (Б)	<i>əzə</i> , <i>aze</i> (I), <i>ʔā</i> , <i>a</i> (E)	<i>əzə</i> (I), <i>ʔā</i> (E)		
бамбари (Б)	<i>əzə</i> (DU), <i>ʔā</i> (I), <i>ʔā</i> (E)	<i>əzə</i> (DU), <i>ʔā</i> (I), <i>ʔā</i> (E)	<i>ə-zə</i> (DU), <i>ʔā</i> (I), <i>ʔā</i> (E)	<i>əzə</i> (DU), <i>ʔāʔā</i> (I), <i>ʔāʔā</i> (E)
мбанджа (Б)	<i>ʔā</i> (E)	<i>ʔā</i> (E)		